

Сыдыков А.Н.,
БГУ

ОБ ЭТНОНИМЕ «УСУНЬ»

Краткое упоминание об усунях встречаем в Большом энциклопедическом словаре: «Усуни, кочевые племена Центральной и Средней Азии. Во II вв. до н.э. жили на территории Северной Киргизии и Южного Казахстана. После V в.н.э. не упоминаются» (7, с. 1088).

Киргизская советская энциклопедия 1982г. пишет: «Усуни проживали на Тянь-Шане в период с 3в. до н.э. до 6 в.н.э.» (11, с. 108).

Л.Гумилев усуней характеризует как «белокурый и голубоглазый народ, во II веке до н.э. откочевавший из Хэси в Семиречье и живший там до III века н.э., после чего остатки усуней были вытеснены в Тянь-Шань. Язык неизвестен. По культуре кочевники». (9, с. 274). «Вся дальнейшая история Усуни – говорит он далее, ссылаясь на китайский источник Бань Гу, – состояла из мелких распрей, доносов, измен, предательских убийств и особого интереса не представляет» (9, с. 184).

Исходя из его же, Гумилева, теории пассионарности можно смело утверждать, что усунни после VI века перешли в другое качество, а именно, окончательно потеряв своё былое величие, они вошли в состав вновь образованного Тюркского каганата (552-744). В последующие века, видимо, усунни входили уже в разный конгломерат племен или государственных образований: будь то Киргизское великодержавие, Караханидское государство, Чингисханская империя и т.д.

Иакинф Бичурин отмечает, что сведения об усунях содержатся в «Исторических записях» Сыма Цяня, составленных по сообщениям дипломата Чжан Цяня, посетившего Центральную Азию еще во II веке до н.э. Он (дипломат Чжан Цянь) указывает, что правление усуньского Большого Гуньмо (титул правителя) находится в городе Чигу (или Чи-гу-чэн по-китайски означающий «город Красной долины») от Чаньань в 8900 ли» (6, с. 190-193). Добавим, что Чаньань – столица тогдашнего Китая, а 8900 ли равняется примерно около 3000 километров в сегодняшнем измерении.

По мнению кыргызстанских ученых В.Мокрынина и В. Плоских, ставка усуньского гуньмо г. Чигу локализуется на восточном побережье озера Иссык-Куль. Так, академик В.М. Плоских пишет: «археологические исследования позволили установить, что развалины города Чигу, находятся на дне Тюпского залива озера Иссык-Куль» (16, с. 93).

Российский ученый Н.А. Аристов, бывший царский чиновник в туркестанском крае, в своей работе «Усуни и кыргызы, или кара-киргызы. Очерки истории и быта населения Западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической картографии (1893) скорее всего под влиянием географических данных, в Предисловии своей книги отмечает: «По многим дан-

ным нынешние кыргызы или кара-киргызы, составляющие в числе около 300 тысяч душ обоюбого пола население западного Тяньшаня, суть потомки усуней и во всяком случае единоплеменны с народом того же племени, жившим на Енисее». (2, с. 5).

Далее в четвертой главе указанного источника Н.А. Аристов подтверждает свои мысли: «В четвертых, – пишет он, – появление в исторических известиях с VI века (н.э.) в Тяньшане киргизов прекращено незадолго перед тем упоминание в китайской истории об усунях убеждают, что именно усунни, имевшие одинаковую с кыргызами наружность и стали с VI века известны под именем кыргызов» (2).

Высказывая вполне убедительную точку зрения, Н.А. Аристов, видимо, был в «плену» относительно свежих источников для его времени. В частности, ссылаясь на труд, находившейся в Джунгарии в 1756 году (труд сей опубликован в 1758г. – А.С) китайской комиссии под названием «Си-юй-ту-чжи», в котором содержался вывод о том, что усунни были предками буротов (кыргызов или кара кыргызов), так как последние обитают в тех же самых местах, которые занимали усунни (опять же опора на географическое расположение – А.С.) и имеют такой же кочевой образ жизни, он считает, что поскольку буротами называли кыргызов, то, следовательно, усуней также называли кыргызами (3). Не убедительно. Но гипотезу Н.А. Аристову можно принимать за основу. Добавим только, что сами китайцы не могли называть «буротами», равно как «кыргызами», указанные народы по той простой причине, что в китайском языке звук «р» отсутствует, стало быть, так называли жунгарцы или другие монголоязычные народы. Кстати, эту ошибку допускают и современные ученые, как историки, так и филологи, из-за незнания китайского языка.

Уважаемый Н.А. Аристов не обращает внимание на тот факт, что в «Записях» Сыма Цяня усунни и кыргызы, равно как гуанны (или сюнну, или хунну), упоминаются параллельно. Нельзя исключать и динлинский элемент, который считался «рыжеволосым и голубоглазым народом». Так, А. Акаев в своем труде «История, прошедшее через моё сердце» (2003), ссылаясь на Л. Гумилева, констатирует: «В своей работе «Динлинская проблема» Л. Гумилев анализирует вопрос о древних усуньских землях, относит их между Дуньхуаном и Восточным Тянь-Шанем. Это снимает, как считает Л. Гумилёв, мнение Н.А. Аристову, считавшего усуней частью енисейских кыргызов, пришедших на Тянь-Шань из Средней Монголии за полтора века до н.э. Европеоидность усуней, по Л. Гумилеву, не подлежит сомнению» (1, с. 41).

Итак, энциклопедические и исторические данные всех источников без исключения ограничивают существование усуней V-м или VI-м веками нашей эры. Куда они потом «ушли», «растворились», «исчезли»?

В последние годы кому не лень термин «усуни» на киргизском языке стали интерпретировать как благорассудится. Особенно это касается журналистской и писательской братии. Договорились до того что «усундар» (калька с русского «усуни» - А.С.), оказывается «узундар» (долговязые), т.е. рослые, воинственные и т.д.

Мы считаем, что правописание целого комплекса терминов, в том числе древних этнонимов, должно учитывать языковые особенности нации, а не слепо копировать из русских или иных источников. Например гунны, саки, скифы, огузы, тюрки, киргиз-кайсаки и т.д. и т.п. А как они сами себя называли? Мы не знаем. Но иногда могут придти на помощь фольклорные произведения, или сохранившиеся каменные эпитафии, или сравнительный анализ арабо-персо-китайских источников.

Так, этнотермин «огуз» в киргизском фольклоре интерпретируется как огуз-угуз-ууз-өгүз. Что правильнее? Если смотреть с точки зрения социальных условий и диалектных различий все термины будут правильными, будь это этнонимы, или антропонимы (в эпосе «Манас», например, Угуз хан выступает как один из предков главного героя – А.С.), или конгломерат племен. А если смотреть с точки зрения фонологической системы киргизского языка по закону сингармонизма, то будет наиболее правильным термин «өгүз». В таком случае, этноним «өгүз», как тотемное название какого-либо народа или племени вполне реально вписывается в ряд подобных терминов как «багыш», «бугу» «сарыбагыш» и т.д. Тем более в современном киргизском языке термины «огуз»или «угуз» ничем не мотивированы и не объясняются.

Рассматриваемый нами термин «усунь» также ничем не мотивирован и никак не объясняется в современных тюркских языках, а еще резко обрываются сведения о нем VI веком н.э. Но вот, в некоторых источниках появляется другая транскрипция. Так, например, исследователь-историк из этнических киргизов Китайской народной республики Анвар Байтур (1938-1991) в своей книге «Кыргыз тарыхынын лекциялары» (1992) усуней называет «уйсундар» (5, с. 46), опираясь на те же китайские источники. Если учесть, что А. Байтур знал китайский язык в совершенстве, то можно допустить, что он наиболее близок к истине. Здесь же он утверждает, по всей вероятности, опираясь на вариант Жусупа Мамай, что в эпосе «Манас» «уйсуны» или «уйшуны» выступают как один из «шестидесяти племен киргизов (5, с.48). (В скобках заметим, что большинство сказителей эпоса употребляют устойчивый эпитет «сорок племен», видимо, находясь в плену сакральных чисел – А.С.).

Подтверждение находим в варианте Сагымбая Орозбакова:

*Алчын, үйшүн, найман бар,
Аргын Каракожо бар.
Абактардын ичинде,
Айдаркан баатыр кошо бар.* (12, с. 94).

Перечисленные племена полностью присутствуют в составе Старшего жуза казахского народа, при этом локализуясь в тех же местах, где жили древние усунь и киргизы. Временами сказители эпоса, этноним «үйшүн» (по-казахски: «үйсүн» - А.С) перечисляют в составе киргизских племен:

*Кара калтак, үйшүн бар,
Каңыры, тейит, багышы,
Канча журтка угулган
Кара кыргыз дабышы.* (13, с.15).

Наряду с уйсунами (уйшунами, усунями) в эпосе иногда называется этноним *сары үйшүн*, причем в одном ряду упоминаются и *үйшүны* вместе со своими предводителями, которые являются, в свою очередь, витязями самого Манаса. Так, в сводном издании эпоса «Манас» читаем:

*Сары үйшүндүн Сатайы,
Алчындардын Атайы,
Үйшүндөрдүн Үмөтү,
Үмөт уулу Жайсаңы...* (14, с. 136).

Наличие племени «үйшүн» (усунь) как в составе казахских жузов, так и киргизского народа подтверждает И.Б. Молдобаев в своем фундаментальном труде «Манас» - историко-культурный памятник киргизов» (15, с. 137-138).

И действительно, Семиречье, районы Чу и Таласа, пишут казахские ученые, «являлись одним таким этническим центром, в котором вокруг одного из древнейших племен – *усунь* – происходило объединение целой группы племен (8, с.15). Здесь же, они, Востров В.В. и Муқанов С.М. указывают на существование племени *сары үйсүн* в составе, Старшего жуза (равно Большой орды, которую российские путешественники называли «усуньской» – А.С.).

Тот же Аристов Н.А. утверждает, что «земли Большой орды (Старшего жуза – А.С.) в древности были заняты народом, носившим имя *усунь*, и что поколение *сары үйсүн* есть прямое потомство этого древнего рода» (3, с. 18-25).

Видный киргизский этнограф Агтокуров С. в своем труде «Кыргыз санжырасы» (1995), опираясь на указанные источники И. Бичурина, Г.Потанина, Ч. Валиханова, особенно Аристова Н.А., утверждает, что крупное киргизское племя *саруу* является ни чем иным, как киргизским вариантом рода *сары үйсүн*. (4, с. 142).

Санжыра – это изустное родословное, предания, легенды, история народов и племен, преимущественно киргизов. Сюжеты санжыра с точки зрения науки недоказательны, приукрашены, но временами точно совпадают с историческими событиями. Иногда указывает на прямой источник: кто откуда? И эти «указания» попадают в ткань эпоса. Мы можем бесконечно спорить о времени зарождения эпоса, об именах, об исторических событиях и т.д. Но одно явление, а именно, названия этнонимов в эпосе «Манас» и их существования не вызывает никаких сомнений. Особенно, если они многократно повторяются, так называемый, устойчивый эпический повтор. Таковым относится вышеприведенный пример:

*...Үйшүндөрдүн Үмөтү,
Үмөт уулу Жайсаңы.*

Известный фольклорист, автор книги «Кыргыз санжырасы» (1996) С. Закиров, опираясь на те же научные источники и факты устного народного творчества, проводит исторические параллели и приходит к тому же выводу, что остальные исследователи, то есть, *усуни* есть одно из древних племен, составляющий костяк современных киргизов и казахов. А Жайсаң один из ярких представителей племени *үйшүн* (10, с. 362-363).